

А. Х. Эйвазов

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Современное состояние отечественной уголовной политики в сфере борьбы с преступностью согласно официальной статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2018 год отмечается резким ростом на 6% числа осуждений по преступлениям против правосудия (глава 31 УК РФ). Несмотря на то, что в 2019 году количество осужденных лиц по данным преступлениям уменьшилось (11 753 против 12 114 в 2018 году), тем не менее, в 2019 году значительно увеличилось количество лиц, которые были освобождены от наказания или которым наказание вовсе не назначалось (103 против 87 в 2018 году), а также число лиц, в отношении которых уголовное дело и вовсе было прекращено (1 217 против 555 в 2018 году).

Преступления против правосудия отличаются высокой степенью латентности. В криминологическом плане их можно отнести, используя терминологию американского криминолога Сатерленда Э.Х., к так называемым «беловоротничковым преступлениям» [3, с. 45-46.]. В первую очередь, собственно повышенная латентность преступлений против правосудия и труднодоказуемость самих составов преступлений, определенных федеральным законодателем в Главе 31 УК РФ, обуславливают необходимость выработки особой криминалистической методики организации расследования данных преступлений, как на досудебных, так и на судебных стадиях производства по уголовному делу в части объективизации доказательств.

По мнению прокурора апелляционного отдела уголовно-судебного управления прокуратуры Санкт-Петербурга А.И. Ремезова, уголовные дела о преступлениях против правосудия относятся к «особой категории уголовных дел». Однако в современной следственной практике даже производства по некоторым «особым категориям уголовных дел», нередко можно обнаружить, что в погоне за косвенными доказательствами, следователь может либо длительное время не замечать, либо и вовсе – утратить доказательства, которые напрямую могут свидетельствовать о виновности тех или иных лиц. К примеру, производство осмотра места происшествия и обысков по месту службы пяти обвиняемых бывших сотрудников полиции УВД по ЗАО Москвы, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 286, ч. 3, пп. «а», «б», «в»; 228, ч. 2; 303, ч. 4 УК РФ, в отношении журналиста Ивана Голунова, было произведено органами

предварительного расследования собственно лишь по прошествии более 6 - 7 месяцев с даты увольнения данных пяти лиц с места службы. К тому времени производство обыска по месту работы или месту жительства в отношении обвиняемых могло носить лишь формальный характер, поскольку улики по уголовным делам против правосудия имеют удивительное свойство утаиваться или вовсе уничтожаться лицами, причастными к совершению данных преступлений.

Автор полагает наиболее точным выработанное профессором М.Б. Вандером определение «объективизации», которая понималась ученым как «деятельность участников предварительного следствия и дознания, направленная на установление и закрепление фактических данных с помощью комплекса средств, на которые, при надлежащем их применении, существенно не влияют субъективные факторы и которые обеспечивают защиту доказательств от необоснованной дезавуации, опровержения, фальсификации, подмены» [1, с. 5].

Обращает на себя внимание, что собственно преступления против правосудия, совершенные должностными лицами правоохранительных и судебных органов обуславливаются наличием специального субъекта преступления, имеющего высшее юридическое образование, осведомленного о тактике и методике работы судебно-следственных органов, обладающего авторитетом в кругу коллег, имеющих возможность использования соответствующих властных должностных полномочий или влияния на лиц, которые имеют возможность принятия тех или иных процессуальных решений. Данные обстоятельства, безусловно, диктуют объективный характер повышенной конфликтности как следственной, так и судебной ситуаций, влияют как на круг подлежащих допросу свидетелей, так и на характер и формулировки задаваемых свидетелям вопросов в ходе соответствующих следственных и судебных действий [2, с. 361].

Криминалистической особенностью тактики гособвинителя по данной категории уголовных дел автору целесообразным представляется базирование позиции обвинения на следующей доказательной базе: вещественных доказательствах, судебных экспертизах (почерковедческих, технических и т.д.), иные документах (характеристика, справках, табелях рабочего времени и т.д.). При этом, свидетельским показаниям надлежит отводить субсидированную роль по аналогии с уголовными делами, связанными с преступлениями в сфере финансово-бухгалтерской отчетности и нарушений документооборота, в зависимости от каждой конкретной следственной или судебной ситуации.

Таким образом, автору представляется методически неэффективным отдавать предпочтение личным доказательствам как средству доказывания по категории дел о преступлениях против правосудия, то есть объяснениям сторон и третьих лиц, показаниям свидетелей, которые представляются следователю и суду в устной форме с последующей фиксацией в протоколе следственного и судебного заседания соответственно.

Список использованных источников

1. Вандер, М.Б. Объективизация доказывания в уголовном процессе с применением научно-технических средств. / М.Б. Вандер. – СПб., 1994
2. Криминалистика / под ред. С.А. Галунского. – М.: Государственное издательство юридической литературы. 1959. – 511 с.
3. Сатерленд, Э.Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? / Э.Х. Сатерленд // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сборник статей: Перевод с английского. - М.: Прогресс, 1966. - С. 45-59.

Научный руководитель: С. А. Ялышев,
д-р юрид. наук, проф.